158

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК.

Освобождение Трудящихся - дело Самих Трудящихся!.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

ТОРЖЕСТВО.

А. Волобуев.

16 ФЕВРАЛЯ 1919 г.

№ 23.

Цена в Москве 4 р. — к.
вне Москвы 4 р. 50 к.

Главная контора и редакция:
Москва, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12.

РЕДАКЦИЯ открыта по вторникам и четвергам от 5 — 7 часов вечера.

КОНТОРА открыта по втори. и четв. от 5—7 час. веч.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

„Истинная жизнь всегда — Анархия!
Истинная молодость всегда — жизнь"!

№ 23.

Цена в Москве 3 р.
вне Москвы 3 р. 25 к.
(Цена указана без обложки).

Главная контора и редакция:
Москва, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12.
РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА открыта по вторникам и четвергам от 5—7 часов вечера.
ЭКСПЕДИЦИЯ: Тверская, 27, кв. 51.

ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АНАРХИСТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

ВСЕМ!.. ВСЕМ!.. ВСЕМ!..

Анархистская молодежь! Твой час пробил! Спешно организуйся в местные группы и ассоциации и готовься к 1-му Всероссийскому С‘езду Анархистской Молодежи! Бей в набат, буди спящих! Грядет новая эра в жизни человечества; грядет мировая революция! Близится торжество безначалия, гремят трубы нового человека, разрывающего цепи векового рабства под игом Власти, Бога и Капитала! Слышны шаги Анархии; Анархия зовет на борьбу за светлый строй, спешите! Организуйтесь! Вступайте в члены Всероссийской Федерации!

У берегов Черного моря.

По вопросу о Федерации.

> В основе всякого творческого процесса лежит индивидуальная энергия. Пусть личность берет из окружающей среды питающие ее соки, но она претворяет в живые девственные лозунги, смутный материал, вырабатываемый массой; она пробуждает таящуюся потенциальную силу масс; она подымает их своим творческим энтузиазмом и делает из безучастных свидетелей активных борцов.
>
> *(А. Боровой.)*

Простору личности!

Да от диссонансов общественности собственною гармонией строит она свой храм. Да познает себя, как единство-познаваемую субстанцию, и тем да творит новое. Да форму свою осуществляет и конкретизирует. Да определяет собою мир. Да создает жизнь.

Свободу личности!

На грани вечности осуществит она свою гармонию и тем создаст опять неизбывный в ее пределах диссонанс. Осуществит она свою гармонию в момент великой революции, когда сломан будет разлад и рассыпится в прах. Когда не будет воли общества, воли результирующего компромисса, и лишь единая общественная воля станет конкретностью. Когда преобразится жестокий строй соотношения сил в порыв гармонии личных взаимоотношений.

И тогда станут лишними идейные об'единения, ибо все будет единым. Тогда истлеют „платформы" и „декларации".

Но сейчас,—сейчас борьба. Борьба на смерть. И горе тому, кто меч свой опустит. Горе тому, кто тыл свой откроет. Сейчас—сила владеет нами. И—лишь „в единении—сила".

И потому ни одна крупинка творческого духа да не погибнет. Ни одна индивидуальность в массе да не растворится. Ни одна революционная искра да не потухнет.

В момент борьбы стихийно куется и наша сила. Борьбой создается и наша Федерация.

Пусть искуственным кажется это обединение, пусть—умаляющая роль личности.

Как ядро извечных творческих возможностей, как порыв созидательный в океане разрушения, как стальной булат последней ставки кровавой жизни, рождается наша Федерация. Без претензий на господство, без стремлений к централизации, без видов на блестящее будущее. Огненной стихией момента, только для борьбы, только для защиты только для творчества.

„Самая страшная, самая мучительная жажда, это—жажда истинного творчества, с широким охватом, вольным разбегом и ярким молниеносным взлетом". (Яков Браун).

И стихия родная, наша стихия во имя творчества создала Федерацию, насущную, необходимую, желанную. Ведь:

„Кризисы жизни нас обступили". (А. Белый).

А там,—что создадим, то будет.

Павел Гар.

В преддверии Грядущего.

Мы стоим в преддверии Анархии. Пред нами ярко и величественно вырисовывается идеал свободного строя, желанный, приближающийся. Наши души жаждут его и горят нетерпеньем...

Мы умеем сильно желать, и наши слова, не медля, переливаются в дело. Но все ли мы делаем что надо? Не забыть бы самого главного, самого необходимого, без чего водворение светлого идеала свободного строя немыслимо! Готовы ли мы встретить грядущее достойным образом? Ведь оно, светлое и прекрасное, требует с нашей стороны умелого с собою обращения. Как бы не спугнуть желанную гостью своею неловкостью, собственной неприменимостью! Надо сознаться, не кривя душой, что мы все еще довольно грубы, еще довольно дики и, мечтая о светлом идеале и стремясь к нему, не забыть бы нам глубже заглянуть в свою душу, осознать себя, свою личность, со всех сторон рассмотреть ее, понять ее достоинства и темные качества, приложить все старания к самовоспитанию, к развитию в себе духа гуманности, так, чтобы стать личностью, достойной истинной свободы.

В наше отношение к людям не должны ли мы внести больше внимательности и чуткости. Согласно идеалу, мы не только должны уважать личность другого человека, но также бережно обращаться с ней. Ведь в светлом царстве Анархии человек, его разум, его творчество превозносятся превыше всего, так не пора ли нам во время позаботиться о внутренней культуре своей личности?

Прежде всего постараться стряхнуть с себя обветшавшие одежды невежества, грубости, умственной лени, диких предрассудков, вообще всего того темного хлама, который переполняет жизнь нашу, чтобы просветленными предстать пред восходящей зарей новой жизни.

Если мы не позаботимся об этом вовремя, то мы рискуем потерять найденное, оно ускользнет из наших неопытных рук, и горька будет эта потеря,

Призывая новый строй, мы должны быть готовы к нему; наше идейное служение этому новому обязывает нас быть особенно внимательными по отношению *к самим себе*, к своим действиям, поступкам, заботиться, чтобы они гармонировали с нашим идеалом.

Новый человек—мудр, он выше тех мелких раздоров и ссор, раздирающих души и тела слабых и жалких людей прошлого; он снисходителен к слабостям другого, он проникновенен и видит в нем не только слабого человека, но брата, равного себе.

Воспитание в себе гуманной личности, высшего идеала человека—вот наш долг и обязанность пред Грядущим, и если мы их не выполним, то горе нам!..

Ведь если в нас еще живет древний дикарь, косматый зверь—наш предок, то кто поручится, что мы не внесем с собой и в светлый рай дикие страсти и по прежнему, не смущаясь, будем продолжать ненавидеть и убивать друг друга?..

Огонь Революции, очистив наши души, пусть озарит наш разум светом высшей мудрости и научит нас, как освободиться, как победить в себе все то, что идет вразрез с нашими желаньями и светлыми стремленьями.

Воспитать в себе *человека*, истинно-свободную личность—вот неотложное наше дело в преддверии Грядущего!..

Е. Горлова.

Эхо молодого леса.

1. Витебские хулиганы.

В „Витебских Известиях" рассказана характерная история взаимоотношений учащихся 1-й трудовой школы и взрослых учеников вечерней гимназии, слиоенных в одном помещении.

Первые систематически выживают вторых из „своего" помещения, негодуя на них за то, что вечерние занятия мешают им устраивать свои танцульки.

Наконец, маменькины сынки обнаглели.

В 7 часов вечера учащиеся вечерней гимназии и пришедшие на первый урок не были допущены в здание расставленными у входа пикерами 1-й трудовой школы, в виду предстоящего вечера. После некоторых споров и пререканий учащиеся вечерней гимназии проникли в здание. Тогда неожиданно выскочившая из подворотни стая учащихся 1-й трудовой школы начала браниться, грозить милицией. Готовый разыграться крупный скандал был, к счастью, ликвидирован вмешательством одного из членов коллегии вечерней гимназии.

Духовное убожество этой буржуазной молодежи облачается такими ароматными фактами:

Смотрите на надписи, красующиеся в здании 1-й трудовой школы чуть ли не на потолках, на пятисаженной высоте,—настоящая заборная литература, представляющая собою причудливые арабески порнографии (с иллюстрациями!) и черносотенно-погромных лозунгов, в роде „бей жидов", и т. д.

В этой дикой вражде к учащимся вечерней гимназии, несомненно, играют роль и классовые мотивы, так как взрослые ученики последней принадлежат, несомненно, к трудящемуся классу.

Сейчас гимназисты пытаются убрать это „бельмо из глазу" путем скандалов. А „в случае чего" у этих хулиганов окажутся и ружья.

2. Костромские.

Не менее красочны поступки костромских гимназистов. По сообщению „Северного Рабочего" в Костроме 19-го января для того, чтобы пробраться „зайцем" на вечер в гимназии, было валомано два замка у дверей бывшей квартиры директора и выставлено окно. По подставленной к этому окну пожарной лестнице „зайцы" вливались в зал.

Курсы Анархистов—Инструкторов.

Всероссийская Федерация Анархистов-коммунистов устраивает в Москве инструкторские курсы. Лекторами, пока, приглашены тов. А. Карелин, доктор Головинский, тов. Эрманн, тов. Алмазов (анархический коммунизм), тов. Алешкер (мирный анархизм). Будут приглашены лекторы по теории анархического синдикализма. Как только дело наладится и явится уверенность, что курсы будет посещать достаточное число слушателей, будут приглашены и другие профессора и лекторы.

Просьба группам и отдельным товарищам сообщить письменно в секретариат В. Ф. А. К. или списки товарищей или отдельные имена тех, кто намерен правильно посещать курсы.

Одна из лекций была прочитана в помещении Большая Дмитровская, дом 13, бывшая контора Нового Времени, в воскресенье, 16 февраля, в 11 1/2 часов дня.

Ответ просим дать по адресу. Москва, 1-й дом Советов. Комната 219, А. А. Карелину.

Извещение.

Секретариат Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов доводит до всеобщего сведения, что бывший секретарь Федерации, Александр Юльевич Ге, перестал состоять секретарем и членом Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов с момента занятия им места Председателя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с Конт-Революцией и спекуляцией в Ессентуках.

За Секретариат Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов А. Карелин, Р. Эрманл, Мария Григорьевна Никифорова, 27 января 1919 года.

Секретариат В. Ф. А. М.

Москва, Тверская, 1-й дом Советов, ком. № 219.
Дежурство секретарей по вторникам и четвергам от 5—7 час. вечера в помещении редакции.
Литература по анархизму высылается по получении денег.

Всем, всем, всем.

Души стремитесь
На светлую волю!
Груди боритесь
За лучшую долю!

Силы в бореньи
Не уставайте!
Мысли в мученьи
Помощь давайте!

Люди бунтуйтесь
В сумраке старом!
Вихри волнуйтесь
Всемирным пожаром!

Боги страшитесь
Борца-человека!
Братья трудитесь
Для нового века!

Антип Никаноров.

Бурные песни.

I.

Я жаждал бури, я жаждал нот и плясок,
Хотел я жить мгновеньем, творить один лишь взгляд,
Молил о красках лиц,—мне дали тени масок,
Втеснили жизнь мою в пустой, проклятый сад.
Как раб прикованный, молил безмерно я
Дать жизни бурный миг, дать миг испить до дна.
Вы дали мне лишь брызги дня неверные,
Вы дали вечность мне, но не дали мне сна.
Но знайте, бедные, что пятой тирана
Родится жизнь могучая и бурная, как страсть,
И, вспыхнув, светит мне теперь святой огонь баяна
И вырубил я сад, познав простора власть.
И гордо шествуя - один под зеркалом лазури,
Пою я миг борьбы и прелесть буйных слез
Вместил в мгновеньях я творящей жизни
И шествую один, совсем один, меж грез.

Александр Олич.

II.

Я буду страстен, я буду молод,
Я буду молод, как песнь времен,
И силой дерзкой сотру я холод,
Сотру я холод с людских знамен.
И кистью дивной огневых красок,
Огневых красок, больных, как день
Впишу в сердца я дикость плясок,
Да, дикость плясок и солнца тень.
И упоенный победой бледной,
Победой бледной, как дня эмаль,
Я диво взвизгну мой марш победный,
Под марш победный уйду я вдаль
И будут страстны, и будут юны,
И будут юны, как смертный бой,
Я силой дерзкой вложил в них струны,
Вложил в них струны и я—герой.

Александр Олич.

III.

..Да, я творю тебя лишь в трепетном мерцаньи,
Когда пустыню—ночь вдыхают мерно тучи,
Когда во мгле, в огне, в цветном благоуханьи
Растет во мне, стеная крик могучий.
И как стихийный носится орел над бездной,
Так я лечу душой, могучим упоенный
И темен вечер, вечер тьмы беззвездной
И страстно жизни жажду я овеянный тобою.
Итак один; во тьме скитаясь где-то—
Мерцанье искры средь тоски давящей,
Иду средь тьмы моей дорогой света
И песнь любви звучит мне, песнь любви творящей.
Но будет день, и свет родит тревога,
Не станет тьмы, и гимн из тьмы воскреснет
И вечным творчеством санскрит мне дорога,
И будет царство вечной, дивной песни
Пока же темен вечер осени туманной и беззвездной
И темен луч любви моей, навеянный тобою,
До тех пор стоном будет крик орла над бездной,
И я, средь тьмы любя, звать буду мощно к бою.

Александр Олич.

Город.

Город грохочет с утра до полночи,
Жрет и рождает, и мечется в очи.
Город—века насыщающий бал,
Гидра, гиэна, голодный шакал.
Трэны, жмыхи, бриллианты, плакаты,
Диспуты, митинги, формы из ваты,
Рубище, роскошь, огарки, слепцы,
Гвардия, дамы, фасады, купцы.
Город—история, кино-картина,
Лаборатории, авто машины.
Город—завод, добродетель, разврат,
Пасть раскрывающий, жаждущий гад.
Льются рекою и слезы, и кровь.
Город—страданье. Город—любовь.

Н. Кудрявцев.

* * *

Но поймите же, деточка, что в моем любовании
Одиноком и страждущем есть какой-то дурман,
И, когда я с отчаяньем подавляю страдания,
Я мучительно чувствую, что болезненно пьян.
Я живу исключительно. Каждым нервом и атомом,
Каждой искрой желанья, каждым фибром души,
Я богат яркогрезами, и такому богатому
Безнадежно тоскуется в беспросветной тиши,
Я ведь знаю, поймите же, что хорошей и близкою
Для меня вы не будете, и от вас я бегу;
Я хотел бы уверить вас безрассудной запискою,
Что не слышать, не видеть вас я уже не могу.
Вы молчите, я вижу вас, вы такая далекая!
Я могу обезволиться, обезуметь от вас!
И тоска разрастается безнадежно-глубокая
С беспощадной угрюмостью немерцающих глаз.
Не дышать, обессилиться и застыть без движения?
Хохотать? Свистоплясничать? Я не лгу! Я не лгу!
Говорить? О безумие! Говорить? О мучение!
Замолчать? О бессилие! Не могу! Не могу!

Герасим Феигин.

ЭСПЕРАНТО.

Четвертый урок.

(См. №№ 3—4, 5, 13).

Личные местоимения.

mi—я, ci или vi—ты, li—он, ŝi—она, ĝi—оно (для одушевл. предм. неопределенного рода и для всех неодушевленных предметов), ni—мы, vi—вы, ili—они и oni—для безличных выражений (напр.: говорят, что—oni parolas, ke).

Примечание: Притяжательн. местоимения производятся от личных, путем прибавления окончания „a“, придающего им форму имен прилагательных (напр.: mia—мой, моя, мое; viaj—ваши; niajn—наших; de iliaj—от их, и т. д.).

Глагол.

Имея в неопределенном наклонении окончание „i“, все глаголы при спряжении оканчиваются:

в настоящем времени	. . . . .	на—as
„ прошедшем	„	„—is
„ будущем	„	„—os
„ сослагательном наклонении		„—us
„ повелительном	„	„—u

независимо от рода и числа при непременном сопоставлении с местоимением или существительным.

Примеры: mi skrib-as—я пишу, vi leg as—вы читаете, ni labor-is—мы работали, ili ven os они придут, ŝi far us—они сделали бы, vi kri-u—кричите. La birdo kantas—птица поёт.

В случае необходимости более точной передачи времени действия, можно употреблять составные выражения в форме причастий в соединении с вспомогательным глаголом „быть“—esti, который вообще в эсперанто во фразе никогда не опускается, как в русском языке, при отсутствии какого-либо другого глагола.

Напр: „я делал“ переводится „mi estis laboranta“ (т. е. я был работающим), а „я сделал“—„mi estas farinta“ (т.-е. я есмь сделавший) и т. д.

Причастия действительного залога образуются с помощью следующих суффиксов:

для настоящего времени	. . . .	ant
напр.: parolanta—говорящий,		
для прошедшего времени	. . . .	int
напр.: leginta—прочитавший,		
для будущего времени	. . . .	ont
напр: venonta—придущий.		

Причастия страдательного залога:

для настоящего времени	. . . .	at
напр.: legata—читаемый,		
для прошедшего времени	. . . .	it
напр.: skribita—написанный,		
для будущего времени	. . . .	ot
напр: legota (которое будет читаться).		

Имея окончание „a“, причастия употребляются, как имена прилагательные. С другой стороны окончание „o“ придает им форму самостоятельных существительных.

Например.:
надеющийся—esperanta (прилагательн.),
а надеющийся - esperanto (существительн.).

Приложив же окончание наречий „e“, мы получим деепричастие.

Напр: kriante—крича,
skribinte—написав,
legate—будучи читаемым и т. д.

Н. Некрасов.

* * *

Бери, мой друг, ты жизнь, не мудрствуя лукаво,
Срывай скорей, скорей роскошные цветы,
Что для тебя цветут налево и направо,
Куда ни оглянись, покуда молод ты!
Бери, мой друг, скорей от жизни наслажденья;
Тебе—ее дары, тебе подвластен мир.
И на пути своем, не зная преграждеyья,
Войди, ликующий, на светлый жизни пир.
Тебе улыбкою сияют небеса,
Как бы приветствуя с высот твой каждый шаг,
И о тебе шумят в тени своей леса,
И для тебя открыт источник редких благ.
Твой смелый взор не знает омраченья,
Исполнен ясности и гордой красоты!
Ты полон страстного, могучего влеченья
В мир лучших грез, в заветный мир мечты.
Отдайся ж ей душой и силы не жалей,
Свой ум и труд отдай и вдохновенье;
И сам, не медливши ни часу, ни мгновенья,
Бери от жизни все!. Скорей, скорей!

Е. Горлова.

В метель.

Залепляет глаза, злобно воя, метель
И сбивает с тяжелой дороги,
И предательски мягкую стелет постель
Под больные, уставшие ноги.

Так и манит прилечь на нее, отдохнуть,
Успокоить болящие раны,
Сладким сном оборвать трудный путь,
Искушает поддаться обману...

Не сдавайся! Все дальше и дальше иди,
Прочь скорей от холодной могилы.
Знай, что тебя ждет весна впереди,—
Напряги же последние силы.

Вспомни, как ты надеждой горел,
Как душою крылатою рвался,
Как могучею силой кипел,
В путь далекий когда собирался.

А теперь, оглянись: ты прошел полпути
И в раздумьи стоишь у постели.
Прочь скорей от нее! Неустанно иди,
Через силу иди к близкой цели.

В. Озимый.

* * *

По вечерней заре приходи
В мой цветной уголок.
Приголублю любя на груди,
Возложу на головку венок.
Зацелую до мира—забытья,
Обниму белым телом, стальным,
Вдохновенным обвею наитьем,
Духом сильным, младым.
И, как сокол, паря в облаках,
В коготках перепелку,
Унесу в нежно-страстных мечтах
В голубую светелку!

Марк Виргилий.

* * *

Посвящается А. А. Ю.

Выше солнца, выше тучи
Я хочу лететь.. лететь...
Быть свободной, быть могучей,
Загореться и гореть...
В чудной, яркой жизни-сказке
Сердце счастьем обмануть..
И в красивой дерзкой ласке
Все забыть... и утонуть!

Эльга Земель.

Пишу тебе из сумрака столицы
В лазурный юг, где радость, свет и день,
Где счастьем дышат милые мне лица,
Где сикоморы сладостная тень.
Пишу тебе, но знаю, что ответа
Из царства грез не получу,—ну что-ж:
Молчанье радостно, душа во мне поэта
И претворю я в смех ручьи печальных слез.

Пишу тебе из каменной темницы,
В лазурь полей несется песнь моя,
Прими привет из сумрачной столицы,
Ночи привет средь радостного дня.

Г. Шидловский.

Мне не спится, кругом спят давно;
Мчится поезд в седую столицу;
Утомленный, смотрю я в окно.
Реет ночь—облака, все знакомые лица,
Вспоминается утро в вагоне, цветы,
Отблеск солнца на раме чугунной,
На пригорках везде полевые цветы,
На зеленой весенней подлунной,
Вспоминается... Сердце, умолкни, молчи!
Мчится поезд в туманное море;
Поезд милый, сильнее стучи,
Заглуши на мгновенье страданье и горе.

Г. Шидловский.

Камин горит; на шкуре леопарда
Лежит увядшая гирлянда белых роз,
А на стене картина Леопарда,
Холодная, полна невыразимых грез.
А рядом с нею „Грех"—тревожная гравюра,—
Мне в сердце смотрится, тлетворностью дыша,
И мнится, что живет ее одевши шкура
И, что в грехи оделась тут душа.
Горят,—мерцая тихо, антрациты,
В руках моих любимых писем связка,
На белом мраморе застывшей Афродиты
Таится странная усмешка. Я повязку,
Что письма милые сжимала, раскрываю,
В огонь бросаю вас, свидетелей терзаний
Над прошлой грезою, я грустно не вздыхаю
И не зову своих воспоминаний.
И пламя трепетно вас лижет и ласкает;
Мгновение—пепел то, в чем радость и мечты,
Камин горит и слабо освещает
Увядшие души, поблекшие цветы.

Г. Шидловский.

Костер на перекрестке.

Небо холодом омыто, и крадется ночь немая.
Звоном цокают копыта, эхом трижды замирая.
На углу у перекрестка, где свились дороги сетью,
У костра, игриво-хлестко люд плетет венок столетью.
Искры брызжут вверх фонтаном и летят, светя кометой,
Будто легче свежим ранам, будто гимн звучит пропетый.
Пляшут тени, умирая, сотни рук висят над жаром,
И гудит стена живая, вся насыщена пожаром.
Обокрав в юдоли грешной блестки солнечного света,
Люди вновь волной поспешной в тьму ползут и тонут где-то.

Н. Кудрявцев.

Украина.

Порой на яву, а иной раз во сне,
Мерещится мне Украина;
То сон или бред,—безразлично то мне,
Когда интересна картина.

Я вижу полей безграничную даль
И пышных лугов хороводы;
Средь них быстротечно торопятся вдаль
Потоков и рек многоводы.

Я вижу садов увлекающих тень
И зелень лугов, и прохладу,
Зовущих к себе под душистую сень
Вкусить аромат и усладу.

Я вижу твоих деревень лабиринт,
А в них лабиринт переулков,
И парней танцующих с девками винт
Пред хатами и в закоулках.

Я вижу: как тать, выплывает луна
Из лесу над всей Украиной;
Я вижу: украдкою смотрит она,
Любуясь прекрасной картиной.

Я вижу как писарь, учитель и дьяк,
Забыв все другое на свете,
Торопятся все поскорее в кабак
Чрез сад, чрез заборы и плетни.

Я вижу потом, как они напились
И к девкам на танцы попали,
И здесь уж с парнями они подрались,
И всем им троим понаклали.

И трое они возвращались домой,
Довольные выпивкой дюже,
И каждый из них рассуждал сам с собой,
Что с ними расправились хуже.

И тихо смеялась над ними луна,
Ей нравилась эта картина.
Потом за хмару притаилась она,
И скрылась из глаз Украина.

А. Ануфриев-Радин.

Мольба сердца.

К. Г. Чистяковой.

Я—одинокий, без друзей,
Не веря в чувства неземные,
Иду тропинкою своей,
Губя желания святые!
Никто не встречен на пути,
Достойный дружбы и влюбленья;
Мне тяжело свой крест нести,
Мне нелегки души мученья!
Не видя чистой красоты,
Встречая скорбь, проклятий гаммы,—
Я не могу свои мечты
Струить, как к небу фимиамы.
Моя душа очарований,
Как солнца вешнего, ждала,
Но вместо их—толпа страданий
Ее и сердце облекла...
Я—одинокий, без друзей,
Не веря в чувства неземные
Иду тропинкою своей,
Губя желания святые!
Я—одинокий; жизнь меня
Терзает муками жестоко...
О, дайте, дайте мне огня,
Огня Любви, зарю Востока!

Антип Никаноров.

ТИШИНА.

(Этюд).

Необозримое плоскогорье, на десятки верст покрытое роскошнейшей растительностью, то подымающееся небольшими пригорками, увенчанными группою буков, то бегущее зеленой высокотравною степью, в иных местах пересеченное светловодными реками или прозрачными ручьями,—внезапно кончалось обрывом. И дальше был только воздух и море.

Со страшной высоты этого обрыва виден был, если посмотреть вниз, настоящий хаос камня: словно руками титанов разбросанные, лежали повсюду острые обломки скал, местами ровные, точно мечом отсеченные пласты суглинка и песчаника меж них отдельные пятна кустарника, побеги плюща и обомшалый горный самшит,—все это неодолимой ни для кого крутизною спускалось вниз, уходило в голубоватый туман, а там, в самом низу у подножия величественной твердыни, сливаясь с синими в отдалении утесами, глухо шумело пенистое пустынное море.

Оно казалось громадным отсюда, обнимающим половину неба, и все было изборождено темными дорожками ряби и ослепительными, мгновенно потухающими блестками. Но ни одного паруса, ни одной черной точки нельзя было заметить на его неизмеримом пространстве.

Заходило солнце, багровое и мутное. И вокруг солнца, стараясь замкнуть его в черное кольцо, тяжело полали отовсюду тучи.

Тишина была вокруг. Еще звонко разноголосили птицы, тихо шелестели травы и листья, когда набегал ветер, и много всяких других, едва уловимых звуков и шорохов вплеталось в вечную песню недремлющей жизни. Но все-таки таилось в гармонии этого вечера что-то такое странное, чего никаким иным словом нельзя было назвать, кроме как тишиной.

По самому краю обрыва, в высокой, пестрящей цветами траве, проходила узкая тропинка. Это не была настоящая тропа,—просто следы ног каких-то животных, которые, вероятно, ходили этой дорогой на водопой к какому-нибудь роднику.

Но местами тропа была твердой и звонкой и казалась не каменной, *но вымощенной* щебнем; а поискав в кустах, сбоку от нее, можно было найти правильные кучи этого самого щебня, сложенные разумной рукою, хотя и осыпавшиеся, и проросшие буйной травой...

Очень давно (когда,—природа не знает времени и не считает его) здесь пролегало, также по краю обрыва, широкое, гладко укатанное шоссе. То и дело мелькали по нем в облаках крутящейся пыли сверкающие черным лаком округлых углов лимузины, проходили с тяжелой поклажею маленькие, понурые ослики с такими кроткими, большими глазами, а их обгоняли велосипеды, в сливающихся спицах которых ослепительно сияло солнце, и медленно шли пешеходы, загорелые, разомлевшие от жары, с расстегнутыми воротами и в широкополых белых сомбреро.

Недалеко отсюда, там, где сейчас качает над пропастью свою великолепную темную листву огромный многосотлетний эвкалипт, уцепившийся во время падения извивами могучих корней за рыхлые оползни обрыва и удержавшийся в них, там, где ястреб парит сейчас ровными кругами, выискивая добычу,—начинался некогда город. Белый, цветущий, полный жизни, он шел по краю обрыва, и люди, плывшие с моря на великолепных, быстроходных судах и яхтах, похожих на чаек, за десятки верст видели его белые, сверкающие здания.

Электричество ярко озаряло его улицы по ночам; оно светило, согревало пищу, приносило вести со всех концов земли, оно двигало с фантастической быстротой поезда-молнии, отходившие и приходившие каждые полчаса. Люди, населявшие белый город, справедливо гордились его красотой и, работая, как пчелы, неустанно украшали его еще и еще. И вся жизнь их, шумная, кипучая, деятельная, протекала светло и радостно в этих белых, высоких зданиях, снабженных тысячами приспособлений, которые создавали благоприятнейшую обстановку для того, чтобы творить новые чудеса, новые возможности, чтобы превратить всю жизнь человечества в грандиозный и великолепный храм цивилизации, которая и без того уже, в своем апогее, достигла такого утонченного совершенства и изощренности, перед которыми ничто были самые тончайшие кружева старинных брабантских искусниц. Люди Прекрасной Земли боготворили красоту и во всем умели находить ее. Они были безоблачно счастливы и умирали спокойно, с такою же юной душой, как при рождении, потому что сердца их были неизменно наполнены радостной верой в себя, в свой труд, в великое свое назначение. Люди всегда были в каком-то безмятежном экстазе. Люди служили Труду и Красоте и не видели предела своим достижениям.

Люди готовились стать богами...

И потом все сразу погибло. Искаженный ужасною катастрофой, страшным и неузнаваемым сделался лик Земли. После вновь победила жизнь, и зацвела Земля еще пышнее, невиданнее и фантастичнее, чем прежде. Но человечество все было сметено с лица ее, и только отдельные, немногочисленные группы людей, случайно оставшиеся жить, скитались в бесконечных лесах, раз'единенные друг от друга, утратили способность общения и постепенно превращались в хитрых и жестоких животных.

Поглощенный ужасным обвалом всего морского берега, погиб и белый, прекрасный город со всеми своими чудесами. Погибли люди, создавшие его. Разрушились все произведения их рук, вся тысячелетняя культура.

Вместо обвалившегося в бездну шоссе время оставило только узенькую тропинку, заросшую побегами трав.

И цвела, и изменялась земля...

Анатолий Глебов.

Настоящее и будущее.

Земля охвачена пожаром,
Народов страсть огнем пылает...
Кто угнетен был в мире старом,—
Плотины, цепи разрывает.

Его путь мести безграничен.
Где он пройдет—лежат руины...
И если был тихоязычен
Тогда, теперь—сильней лавины.

Он не щадит... Во взоре строгом
Пощады нет творцам мучений,
Кто жил века в углу убогом,—
Могуч среди борьбы и мщений.

Разрушив все до основанья,
Разбив все ереси, оковы,
Воздвигнет он свои ваянья
И мир чарующий и новый!

И вся земля, облившись кровью,
Свободно грудью вздохнет,
А люд, богатый братством, новью
В любви и правде зацветет!

Ант. Никаноров.

Тайна небес.

Vivre, c'est prendre et
donner avec l'esce...
Toute la vie est dans
l'escor.

Вечно волнами шумит, колыхается
Море, вдали серебром окаймленное.
Огненно-красное Солнце спускается
В это гремящее море бездонное.
Следом за ним полосою прозрачною
Тучи несутся эфирно-воздушные;
Скромно сквозь дымку осеннюю, мрачную
Смотрит Луна, безнадежно-бездушная,
Грустно-печальная, мертвенно-бледная,
Облаком хмурым стыдливо закуталась.
Дальше за ней, как сироточки бедные,
Звезды в туманной дали перепутались.
Некогда в небе сияли торжественно
В брачном союзе всевластно правдивые
Гордый бог—Солнце, всесильно-божественно,
Рядом богиня Луна горделивая.
Мирно роились вокруг вожделенные
Звездочки, дети-малютки невинные,
Но языки отыскались враждебные,
Злой клеветой зашипели противные.
И разделилась чета лучезарная...
По небу Солнце идет одинокое
И, сохраняя величие гордое,
Все же несет свое горе глубокое.
Смертными, гордыми, слабыми, сильными,
Многомоленное, многовоспетое,—
Все его славят стихами обильными,
Светом его благодатным согретые.
Ночью же бродит Луна молчаливая,
Бедная мать со своими детишками;
Звезд обездоленных рать суетливая
С неба глядит боязливыми мышками.
Девушки с любящим сердцем, влюбленные,
С тайной печалью в груди, боязливые,
Да и поэты, мечтой вдохновленные,
Ей посвящают лишь песни тоскливые.
Женским незлобивым сердцем прелестная,
Любит она своего покровителя.
Под вечер часто стыдливая, страстная,
Робко глядит из-за туч на властителя.
„Стой! Погоди!—хочет крикнуть несчастная.
„Дети твои тебя ждут, дожидаются“...
Солнце лишь вспыхнет—багровое, красное,
И беспощадно на отдых спускается.
Так ядовитая злоба, шипящая
Даже средь вечных богов и властителей
Скорбь и погибель вселила щемящую,
Вооружила на бога гонителей.
Бедные боги! Тоска бесконечная
Давит им грудь,—и они безответные.
Смерти им нет и влачат они вечное
Горе свое в небесах, беспросветное.
А мне, человеку, случайно рожденному,
Жизнью не полною, жизнью гордою,
Стихом, как даром судьбы, одаренному,
Мне ли роптать на жизнь мою нетвердую?..

П. Коралин.

Две жизни.

Смеялись, пели, пили, ели,
О городская суета!
Мне эти песни надоели
Как дни, и годы и недели!
Зовет мечта.
Манили, звали и сжигали!
А в сердце боль и пустота..
Там в губы пьяно целовали,
А там рыдала в синей дали
Моя мечта.
И тонкий яд горел обмана
И лгали алые уста,
За гранью дымного тумана
Душа обманутая рано
Была пуста!
Изгибы рук, усталость тела
И мысли сбивчивы в уме;
И ночь в снегу о чем то пела...
И одиноко догорела,
Душа во тьме...

Москва. 1917 г. *Анатолий Вашнов.*

> В тоске я, как женщина, плачу навзрыд
> Смотрю я,—мой призрак мне в очи глядит
> Как друг, как страдающий брат.
>
> *Альфред де Мюссе.*

В уныньи сумрачного дня,
Средь красок плачущей постели,
Я так хочу чтоб на меня
Твои глаза всегда глядели
Пусть фонарей ненужный ряд
Огни дрожаще разливает,
Но я хочу, хочу твой взгляд.
Пусть в нем душа моя растает.
Я им сожгу и боль минут
И слёзы жизни одинокой,
Но пусть глаза твои дадут
Мне умереть в их тьме глубокой!
Но ты ушла и далека
До мук в тиши моих уныний,
Покоя в пряные шелка
Безумство тела стройных линий...
Но если здесь,—приди молю,
И подними свои ресницы—
О дай мне в очи углубиться—
Я боль в них сердца отолью.

Москва. 1917 г. *Анатолий Вашнов.*

Ночь.

Знойный день утонул в пурпуровом сияньи
И наступила ночь... Но что за ночь!..
Нет ни звезды в играющем мерцаньи.
Так прочь же сомненья—все прочь!..
О, что за ночь!.. Тронутый игрою
Бесцветных прозрачных огней,
Я зарыдал, как пред грозою
Плачет в кустах соловей...
Я ниц склонился ночь благословляя,—
Ту ночь без туч и без огней...
Но ползла тьма в лазури утопая...
О, если б крылья мне, чтоб полететь за ней!..

И. Шолох.

Подарок северного ветра.

„Тебе, о, роза молодая,
Из дальней северной страны
Принес я грусть родного края
И запах ели и сосны.
Тебе, прелестное созданье,
Я песни вьюжные принес,
Принес тебе на грудь страданье
И ожерелие из слез.
Я для тебя зарей огнистой
Росу медвяную собрал
И в чаше лилии серебристой
Напиток редкостный примчал.
„Из незабудок и фиалок
Тебе я чудный сплел венок“...
„О, как ты беден, как ты жалок
С своим подарком ветерок“.
Пришельца роза перебила,
Надменно вскинув головой:
„Мне все природа подарила,
Не нужен мне подарок твой“.
И ветер, от стыда сгорая,
Смеясь и плача над собой,
Бежал в поля родного края
С разбитым сердцем и душой.
И там, блуждая по равнине
Средь зачарованных снегов,
Он тихо стонет... И доныне
Забыть не может гордых слов.

Николай Захаров.

Я упьюся медвяными росами...

(Из „Песен года“).

Я упьюся медвяными росами,
Отгоню свои думушки прочь
И весь вечер в траве под березами
Буду ждать синеокую ночь.
А когда розоватый колдующий
Сумрак звезды на небе зажжет,
Когда месяц—царевич тоскующий—
По небесному полю пойдет,

Когда дали заткнутся туманами
И заснут над водой камыши,
Когда там, за рекой, над полянами
Засмеются русалки в тиши,—
Я вспорхну тогда легкою птицею,
Улыбнусь, как родному, лучу,
Обвенчаюсь душой с небылицею
И от скучной земли улечу.

Полечу я, свободный, ликующий,
В необ'ятную, темную высь,
Где блуждает царевич тоскующий
И где звезд хороводы сошлись.
Там я встречу ее, синеокую,
Мою нежно-любимую ночь,
И тогда свою тайну глубокую
Мне хранить уже будет невмочь.

Я открою ей тайну стыдливую,
Я открою ей душу свою
И скажу, что ее, молчаливую,
Больше солнца и жизни люблю.
Не словами ответит, а взглядами...
Все пойму я без звуков и слов
И упьюсь поцелуйными ядами,
И забуду о мире рабов.

Я забуду сомненья тяжелые
И толпу утомленных людей;
Будет петь ветер песни веселые
О просторе небесных полей...
Опьяненный медвяными росами
И сияньем любимых очей,
Буду жить я мечтами и грезами
Так до самых рассветных лучей...

Николай Захаров.

Поцелуй.

Вчера тебя я встретил налету,
Душистые искомкав речи.
Венок цветистый вновь тебе сплету
При радостной и новой встрече.
Я дерзко целовать тебя хочу
На фоне улицы гулливой,
Я поцелую; гулкому бичу
Поставлю памятник крикливый.
Торопко, верно будешь обходить
Замшенное заветное крылечко.
Но все же ты пошаришь, может быть,
В бездонных глубинах сердечка?
И если в глубине ты не найдешь
Стыдливо-розовой эмали,—
На мой призыв на улицу придешь,
Забросив летопись морали.

Н. Кудрявцев.

Времена года.

I.

Стыдливая весна.

Кошки на лестнице плачут по вешнему,
Где-то томится весна недалеко.
Плачу не верьте,— слепому, нездешнему:
Не разгадаете бледного рока.
Я положу тебе руки на плечи,
Грудью к упругой груди прикасаясь.
Будешь ли плакать ты радостной встрече,
Или смеяться, прощаясь?
Плачет безрадостно девушка томная,
Я подойду, я не знаю жеманства.
Лентою вьется желание скромное:
Каплею кануть в цветное пространство.

II.

Летний зной.

Пушистый персик зреет под лучами,
И пылью золота усыпана пчела.
Ты опьяненная ждешь бездонными очами,
И кольца цепкие бегут вокруг чела.
Я персик зубками жемчужными разрушу
И ротик маленький открою, торопясь.
От зноя ты раскрыла настежь душу
И млеешь радостно, загара не стыдясь.

III.

Печаль осени.

Стонут журавлями в небе горнем
Скорбные мечты.
Бледные цветочки вырвешь с корнем,
И вздохнувши, ты.
К лепесткам их с нежной лаской
Томно припадешь...
Плыл эфир когда-то яркой краской
И шумела рожь.

IV.

Зимние сказки.

Шамкает седая, спутав пряди
Пепельных волос.
В безразлично мутном и белесом взгляде—
Зыбь минувших слез.
—„Бабушка, ты знаешь блеск и солнце?
Где теперь оно?
—„Ничего не видно сквозь оконце...
—Ну,—и все равно...
Смотрит бледный вечер зевами немыми,
Пляшет тень свечи.
Ветер хлещет в окна буклями седыми,—
Шамкает слепая, на печи.

Н. Кудрявцев.

Песнь.

Из пестрой вереницы ярких снов
О том, что в'явь не претворится снова,
Я создал песнь без музыки и слов.
Душа—творец той песни и основа,
В душе она родилась и умрет.
Невнятная ни сердцу, ни уму другого.
Лишь только день за рощею уснет,
Лишь звездной свиток в небе развернется,
В моей душе былое оживет,
И песнь без музыки и слов польется.

БИБЛИОГРАФИЯ.

„Сирена". Пролетарский двухнедельник.
Воронеж, № 1, цена 2 р. 25 к.

Художественный облик журнала с первого же взгляда производит отрадное впечатление, на что хочется надеяться и в будущем. В содержании номера не мало ненужного и бездарного. Так, например, стихотворение Нарбута „Красная Россия"; оно могло бы быть приемлемым, если бы не было этого обидного смешения лирического восторга с балаганным захлебывающимся энтузиазмом. Стихотворения Зайцева—одни из тех, о которых говорить не приходится. Великолепно „Одиночество" Блока, и он действительно одинок среди подобных стихотворений, как „Песни раба" Пана и стихотворений Дм. Семеновского. Хорош переплет Бориса Истмена.

И ваши тонкие духи—
Намеки будущего мая...

Это хорошо. Стихотворение Дэвиса Уманского „Баррикады", кончается словами: „эта была революция!". И почему то это очень наталкивает на то, чтобы сказать читателю: „не подумайте чего нибудь—это было стихотворение". Я затрудняюсь ответить что-нибудь на вопрос: „что хотел сказать автор рассказа „Соловьиная ночь" Вячеслав Шишков. Если он не сумел ответить того, что хотел, то его произведение бездарно; если он сказал все, что хотел, то его произведение посредственно незрело, и мало рельефно. Интересны рассказы Ляшко и Ремизова. Невзрачен рассказ Самария Ермана „Февральское солнце". Для того, чтобы писать такие рассказы, как рассказ Тарасова „Павел Федорович" надо обладать или смелой, яркой кистью или быть хорошим психологом; так как автор не обладает ни тем, ни другим, то его произведение надо назвать лишним: оно могло быть и не быть. Глубок и интересен этюд Ивана Рукавишникова „Живая жизнь мертвых вещей"; он стоит не только внимания, но и того, чтобы над ним подумали. Жалок тот художник, который, стараясь в клочке жизни выявить огромный холст жизни, жизни красочной и сложной, хочет выявить и не может. Таков Одоевский в своем рассказе „В подвале": рассказ элементарен, бледен и неинтересен. Простая бесхитростная заметка Рославлева „Правда об интеллигенции" возбуждает внимание и достаточно, с одной стороны, освещает этот наболевший вопрос". Почти тоже самое можно сказать о статье Веры Станевич.

Анатолий Вашков.

„Молодая Школа". Двухнедельный литературный журнал по вопросам строительства новой школы. Экстренный выпуск от 12 янв. 1919 г.

Шацкий (Тамбовской губ.) уездный отдел народного образования и местное отделение Всероссийского союза учителей-интернационалистов по дню 2-го Шацкого уездного с'езда по народному образованию, 12 янв. т. г., издали экстренный выпуск журнала „Молодая Школа". Этим выпуском сделана закладка издания нового провинциального журнала, посвященного вопросам строительства новой школы.

Отрадно видеть, что глухая и темная провинция пробуждается, становится на путь самодеятельности, самотворчества, ищет дорогу к свету, к знанию...

Издание книг и периодических изданий в наше время стало трудным и почти невозможным делом, но провинцию не останавливает это, и там, где имеется хотя бы небольшая типография, стараются издавать или газету, или журнал.

Приветствуя новый журнал и выражая ему все добрые пожелания, мы позволяем себе указать на кое-какие замеченные нами недостатки в экстренном выпуске и не согласиться с некоторыми заключениями, найденными нами в его статьях.

Тов. Симонс, например, трактует: „...ребят приходится обучать школьному работнику в условиях новой трудовой школы. Неужели это не прекрасная задача? *Старшие возрастные группы от нас ушли*,—они буржуазны, с нами мы ничего не поделаем,—это ясно". Так ли это? Конечно, многие из старших групп ушли от революции, но оставшихся с нею мы видим гораздо более, нежели ушедших. Далее тов. Симонс пишет: „Наступила пора... сообща наметить план, как работать дальше, особенно весной и летом. Не может же быть, чтобы школа не привлекла своих питомцев к работе под солнцем, под открытым небом. Иначе, какая же она—трудовая?"

Эти строки говорят о неточном усвоении их автором термина—„трудовая школа". Разумеется, что привлечение учащихся в новой школе к работам под солнцем, на воздухе составляет необходимость, но, смеем заметить, новая школа названа трудовою отнюдь не потому, что учащиеся в ней будут часами работать под солнцем и непосредственно соприкасаться с действительным, самодельным трудом. Нет! Трудовою она названа, как воспитательница детей не по отжившему методу школ буржуазного строя, а по методу новому, методу социалистического уклада жизни, приучающему детей с раннего возраста к уважению труда, любви к нему. И такое воспитание может прививаться не исключительно тем, что дети будут работать „под солнцем, под открытым небом", но и нравственно-духовным направлением их в духе непрекращающихся творческих достижений, неостанавливающихся исканий лучшего посредством труда, в духе неутомимого вдохновительного созидания всего нужного и обеспечивающего лучшую жизнь на земле. Работа же под лучами солнца и небесной лазурью, как таковая, должна быть побочным, придаточным, как говорится—для практики, занятием для учеников.

Жаль, что в номере журнала, кроме учительского с'езда и воспитания дошкольного и внешкольного, не уделено внимания строительству новой школы и заданиям последней.

Стихотворение „Привет новому журналу" перепечатано из нашего журнала № 3-4 за сентябрь месяц 1918 года без подписи автора и указания источника перепечатки, что далеко неодобрительно для редакционной коллегии, с самого начала вступившей на ложный путь.

Остальные стихотворения, зовущие к борьбе, к работе, к стремлению, к правде,—слабы и местами примитивны.

Сильно страдает журнал либо от невнимательного отношения к своему делу корректора, либо от отсутствия последнего.

В общем журнал производит приятное впечатление.

Мих. Черных.

Окно на улицу.

День умирает. Запах бензина
Ползет, цепляясь, в мое окно.
Ревут сирены. И шепчут шины,
И будни в комнате. В углах темно.
Молчат и давят немые стены
И обступили со всех сторон.
Я жажду ласки, хочу измены,
Я в краски улицы давно влюблен.
Мелькают маски. Шуршат газеты,—
И наспех клеится стенной плакат.
Ловлю задумчиво я силуэты
И звукам улицы беззвучно рад.
Безвольно катится клубок игривый,
Лепечет новое, стремясь вперед,
Свивает щупальцы и торопливо
Обшарит лапами и унесет.

Н. Кудрявцев.

О вольных степях.

Я скорблю... Предо мной необ'ятные степи
И колышется морем лазурным трава.
Я скорблю.—Отчего? Пали вечные цепи,
И такими понятными стали слова.
Я скорблю... Отчего это душу тревожит
Мне необ'ятно-раздольная ширь?
И отчего расширяет и множит
Горе извечное, точно псалтирь?
Вижу я ясно, что светлые дали
Всем, кто не умер, дороже всего;
Знаю: далекие близкими стали.
Хочется плакать. Скажи,—отчего?

Н. Кудрявцев.

Ликвидация школьной прислуги в школах 2й ступени.

Московский Отдел Народного Просвещения делает новый крупный шаг в деле осуществления задачи трудовой социалистической школы. С 1-го февраля окончательно ликвидируется в школах 2-й ступени институт школьной прислуги, особенно ярко отражающий на себе социальное неравенство отмирающего буржуазного строя. Учащиеся 2-й ступени должны быть поставлены в условия доподлинной трудовой стихии, чтобы из них выработались граждане нового социалистического строя, относящиеся с одинаковым уважением ко всем родам труда как к физическим, так и умственному.

ИСКУССТВО.

Москва.

Дворец искусств.

В Москве организуется „Дворец Искусств". Инициаторами его являются поэты П. С. Рукавишников, Иванов, художники: К. Юон, Средин и др. „Дворец Искусств" будет помещаться в доме гр. Соллогуб, на Поварской улице.

В нем учреждаются отделы: литературный, музыкальный, изобразительных искусств. Организуется также книгоиздательство.

— Для урегулирования вопросов музыкальной жизни вся Россия разделена на 6 округов с центрами в Москве, Петрограде, Нижнем-Новгороде, Саратове, Тамбове и Витебске. В каждом округе открывается высшая специальная музыкальная школа 3-й ступени, равная по значению высшим консерваториям.

Левая федерация художников.

В воскресенье, 2-го февраля, произошло открытие 5-й государственной выставки картин, устраиваемой Отделом изобразительных искусств П. К. П.

Выставка открывается в помещении музея изящных искусств.

На этот раз выставляют свои произведения члены профессионального союза художников-живописцев „нового искусства".

Союз этот организовался лишь летом прошлого года: инициатором его была группа молодых художников, составлявших „левую федерацию" т. н. „старого" профессионального союза.

Союз быстро приобрел популярность и в настоящее время насчитывает в своих рядах много выдающихся живописцев, в виду чего 5-я государственная выставка, являющаяся в то же время первой выставкой нового союза, обещает быть очень интересной.

— Рабочий, поэт Гастев стал во главе Отдела искусств, организованного Всеукраинским к-том в Харькове.

— В Третьяковскую галлерею приобретено несколько новых картин футуристов Машкова и Кончаловского. Одна картина последнего куплена и для Вятского музея.

— „Пролеткульт" устраивает в марте новый, второй конкурс на сочинение русской песни, при чем будут премированы отдельно произведения „для слушания".

— Оба государственные и художественный театр предоставили свои воскресные спектакли красноармейцам московского гарнизона.

— В понедельник, 3-го февраля, в клубе мастерской искусств „Красный Петух" (Кузнецкий, 5), Вячеслав Иванов возобновляет чтение лекций по античному театру. Темы лекций: 3-го февраля—„Орест и Гамлет", 10-го февраля — „Прометей Эсхила и Прометей в новой поэзии", 17-го февраля — „Происхождение греческой трагедии". Начало лекций в 7 час. веч. Вход бесплатный.

Петроград.

— Художественным Советом отдела театра и зрелищ в Петербурге принята к постановке в Народном доме пьеса польского поэта Выспянского „Судьи". Пьеса эта является одним из наиболее ярких произведений и весьма не обширной революционной драматической литературы. „Судьи" пойдут в постановке Н. Н. Арбатова.

Вторая новая революционная пьеса принадлежит Д. Айзману. Называется она „Терновый куст" и написана на сюжет из истории 1905 года. Действие происходит в семье рабочего.

Пьеса эта поступила на рассмотрение литературной комиссии Александринского театра.

В Петербурге, в виду недостатка бумаги, предполагается запретить печатание громадных афиш о театральных зрелищах. Размеры афиш будут уменьшены.

Метаграмма № 1.

С буквой У—меня видали
Только в Персии, мой друг;
Но уж с А—вы в ней страдали,—
Много принесла услуг...

ХРОНИКА.

Жизнь сельской молодежи.

Село Шнаево, Город. у., Пенз. г.

С июня прошлого года в нашем селе организовался кружок молодежи любителей чтения литературных произведений. Инициаторами кружка были учащиеся гор. Пензы.

Кружок имеет своей целью поднять общий уровень умственного развития как членов кружка, так и всех лиц, проживающих в данном селе.

С самого начала своего развития кружок был заинтересован театральным искусством.

На первом же общем собрании было решено поставить спектакль. Ставились маленькие водевильчики. Но вопрос был в том, где поставить спектакль. Одно здание пустующее и пригодное для этого была церковно-приходская школа. Приходилось просить разрешения у общества. Были выбраны два делегата, которые, сказав, как велико значение спектаклей и существование кружка, имеющего своей целью внешкольное образование, получили разрешение поставить спектакль в школе.

В первое же воскресенье члены кружка устроили сцену. Как хорошо и отрадно было смотреть, с каким жаром работали члены и как из пустоты что-то получалось. За неимением обоев и других материалов для сцены ее пришлось обклеивать бумагой. Но и здесь все работали с жаром. Декорация лес была устроена из кустов, и зелень так мило радовала глаза. Публики на спектакле было очень много, так как в нашем селе это было в первый раз. Местов не было и многим пришлось уйти.

Было поставлено: „Ночное“, „Приключения новобрачных“, „Хирургия“ и „За двадцать минут до звонка“.

Публика осталась очень довольной. Сбор был около 200 руб. После спектакля были открыты танцы. Но в этом-то и заключалось все горе. Крестьяне, узнав об этом, запретили делать собрания и ставить спектакли в школе, мотивируя тем, что непристойно „ломать комедь“ у Божьего храма. (Рядом со школой находится церковь). Некоторые даже кричали о том, чтобы разогнать наш кружок, находящийся в первой фазе развития. Многие из членов, видя это, пали духом и уже хотели его покинуть, но нашлись энергичные лица, которые, зная, что их дело не выгорит у темной, необразованной толпы, обратились за разрешением к председателю сельского совета. Председатель разрешил продолжать постановку спектаклей в школе. Молодежь стала готовиться к постановке второго спектакля. Ставили: „Доктор принимает“, „Деньщик подвел“ и „Старики“.

Любители уже гримировались, а некоторые были уже загримированы, когда вдруг раздались возгласы: „разогнать их!“ Оказалось, близь училища собрался сход. И вот в училище, где у кружка уже все было готово для спектакля, были назначены торги. (Не помню на что). И то странно весь сход был под влиянием нескольких человек. Фортуна не улыбалась. Делегаты работали и вразумляли озверевшую толпу. Наконец удалось выхлопотать разрешение на постановку второго и последнего спектакля. Все „крикуны“ были посажены на первые места и гордо смотрели с сознанием своего превосходства. Сбор был меньше, чем в первый раз.

После этого кружок разбивается на отделы: театральный, музыкально-вокальный, литературно-политический и отдел внешкольного образования. В это же время наш кружок увеличился несколькими членами из взрослых. О спектаклях ничего не слышно. Некоторые деятели с окончанием каникул уехали из села и наш кружок пришел в упадок и бездеятельность, продолжавшуюся до декабря месяца.

В декабре он ожил. Стали хлопотать о том, чтобы отдали нам под народный дом бывший в селе общественный дом. Общество согласилось даже на выпилку капитальной стены и сломку печей. Кружок ожил. Новые члены вошли в его состав и в конце декабря был поставлен спектакль. Ставили: „Ревизор“—Гоголя. Публики было много. Мест опять не хватило. Через неделю „Ревизор“ был повторен. Выручка с обоих спектаклей перевышала 300 руб. После постановки „Ревизора“ кружок стал работать еще энергичнее и 15-го января была поставлена драма Л. Н. Толстого „Власть тьмы“; через неделю был повторный спектакль, на котором присутствовали граждане окрестных сел. На первом спектакле (15-го янв.) присутствовали агитаторы из гор. Городище, сказавшие речь по окончании спектакля. После было предложено спеть несколько революционных песен.

Хор составился из членов кружка и были пропеты несколько песен.

В последних спектаклях участвовали члены из среды крестьян и нужно признаться, что роли некоторые из них провели превосходно. Все это подает надежды на будущее процветание кружка.

Вот в каких условиях находится наш кружок, поборовший, наконец, все препятствия и зажививший новой, светлой, здоровой жизнью.

Выручку от спектаклей кружок расходует на приобретение вещей, нужных для постановки спектаклей, на оборудование народного дома (ибо он находится в печальном виде), а также на выписку газет и журналов. В недалеком будущем проектируется постановка журнала.

А. Алексеев.

Произвол власти.

На с'езд учителей и деятелей по народному образованию в Калязин с'ехалось много представителей. Но, к сожалению, работы с'езда не были доведены до конца, и 215 делегатов, потратившись на проезд, уехали ни с чем... Все это произошло из-за конфликта между с'ездом и представителем Исполкома — военным комиссаром Плечиковым.

Плечиков внес на голосование собственную (малограмотную) резолюцию. С'езд эту резолюцию провалил и принял резолюцию т. Фалдеева, б. учителя, ныне комиссара труда.

Военный комиссар обиделся и поступил по-военному: с'езд распустил, а четырех учителей арестовал. (Правда)

По протекции комиссара.

Во второй Воропаевской волости, Кузнецкого уезда, на мельнице при селе Смотовка служит заведующим некий Василий Гладков, бывший урядник, занявший эту должность по протекции комиссара. Этот факт возмущает всю волость.

Даже обсуждать нельзя.

Президиумом Петровского Исполкома издан приказ, воспрещающий обсуждение как декретов центральной власти, так и постановления местной власти. Всякое обсуждение в обществах и советах о желательности или нежелательности проведения на местах декретов и постановлений, согласно приказа, будут считаться как проявления контр-революционные. (Правда).

Новые университеты

Сов. Нар. Ком. постановил открыть университеты в Костроме, Астрахани, Смоленске и Тамбове и преобразовать Ярославский лицей и Самарский педагогический институт в государственные университеты.

Как попы одурачивают свою паству.

Сольвычегодская газета „Голос бедняка“ сообщает, что в Верколском монастыре Пинежского уезда, Верхотоемской Ч. К. была открыта рака с „мощами“ Артемия Праведного.

Как и следовало ожидать, в раке оказались старые ризы, эпитрахили и вата,—а самые „мощи“ состояли из смеси толченого кирпича и гвоздей.

Когда председатель Ч. К. задал настоятелю монастыря вопрос: для чего в течение стольких лет они обманывали народ, заставляя молиться таким вещам, „святой отец“ ответил буквально следующее:

— „Была бы вера,—а верить во что угодно можно: вера человека спасает, а не вещи!“

Правильно. Особенно если эти вещи: серебро, медь, хлеб, чай, сахар, найденные в монастыре в изобилии.

Детский театр.

В пятницу, 31-го января, отделом Народного Просвещения Городского района в помещении кино „Бельгия“ (Цветной бул., 25) был открыт 1-й Московский малый детский педагогический театр. В непродолжительном времени Отдел открывает большой детский театр в помещении кино „Уран“ (Сретенка, 19). В организации театра приняли живейшее участие драматич. и оперные артисты, педагоги, инструктора пластики, музыканты и руководители детских садов. Среди руководителей известные Москве артисты: Б. Трояновский, С. В. Халютин, М. А. Ртищева и М. Кузнецова.

Первой постановкой пойдет детская опера: „Кот, козел и баран“, муз. Брянского, либретто Калашникова. Готовятся к постановке: „Шемякин суд“, ком. Попова, „7 козликов“, опера Гумпердинка и спектакль-концерт на тему доисторическая и былинная Русь. К участию привлечены до 400 чел. детей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1919** ГОД
на еженедельную газету

„ТРУД и ВОЛЯ“

орган Союза Анархо синдикалистов-коммунистов г. Москвы

Газета ставит своей целью широкое освещение вопросов общественной, политической, хозяйственной и экономической жизни, а равно пропаганду идей массового революционного анархо-синдикалистского-коммунистического движения и выработку определенной тактической линии революционного анархизма в плоскости практического строительства революционной жизни.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на 1 мес. . . . . 5 руб.
„ 2 „ . . . . 10 „
„ 3 „ . . . . 15 „

Адрес редакции и конторы:
Москва, уг. Тверской и Садово-Триумфальной пл., бывш. меблир. комн. „Бостон“ № 31.

Прием по делам редакции от 5—7 час. вечера.

От секретариата Всефам'а.

Всех товарищей, согласных с декларацией, помещенной в № 20 и технической инструкцией в № 22 и желающих быть инструкторами секретариата по организации групп молодежи на местах, просят сообщить свои адреса.

Сообщивших уже, и получивших согласие секретариата, последний просит принять следующие организационные шаги: 1) Дать об'явление в местную анархическую газету или, если таковой не имеется, в местные „Известия“ о том, что секретариат созывает в таком-то городе общее собрание анархической молодежи, имеющее быть (указать место, день и час). Всех, чувствующих себя молодыми и своим общественно-философским идеалом считающих освобождение личности от внешнего, просят явиться на это собрание. Подпись: член секретариата такой-то.

На собрании, действительном при всяком числе собравшихся, член информирует об образовании Вс. Фед. Ан. Мол. и ее целях и предлагает образовать местную группу анархической молодежи, деятельность которой должна протекать по двум основным направлениям: 1) а) Изучение философии, теории и практики анархизма. б) Обсуждение различных основных жизненных вопросов под углом зрения анархизма. 2) Пропаганда исключительно идейная анархизма (устройство лекций, митингов, собраний при участии членов группы).

Когда такая группа с'организуется (количество ее членов не играет пока никакой роли), агент сообщает о ее образовании в Бюро секретариата. Группа вносится в списки групп. Всер. Фед. и может расчитывать на ее моральную и материальную поддержку.

Просим сообщать подробный список членов группы, а также прислать взносы в пользу Фед. в посильных для каждого размерах. Дальнейшие инструкции будут сообщаться по мере организации групп.

Всех товарищей на местах жительства которых еще не организован или не организуется молодежи просим немедленно сообщать в Бюро Федер. с пометкой, согласен или не согласен сообщающий стать инструктором Секретариата по организ. местных групп, в последнем случае с указанием если возм. лиц, кои могли бы быть таковыми.

Секретариат.

Фонд журнала „Ж. и Т. Р. М.“.

	531 р. 95 к.
Поступило от Е. Горловой	45 р. 95 к.
От служащих 12-го военно-железнодорожного дизенфекционного отряда	145 р. — к.
Итого . .	721 р. 93 к.

Продолжается подписка на Ж. и Т. Р. М.
на 1919 год.

На год—**100** руб., на 6 мес.—**55** руб., на 3 мес.—**30** руб., на 1 мес.—**10** руб. с доставкой. Подробности подписки и издания смотрите в № 16 журнала.

Редактор: Н. В. Марков.

Издание Московской Анархической Ассоциации молодежи.

Типография „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ“, Москва, Большая Садовая, д. 14. Телефон № 2-06-35.